

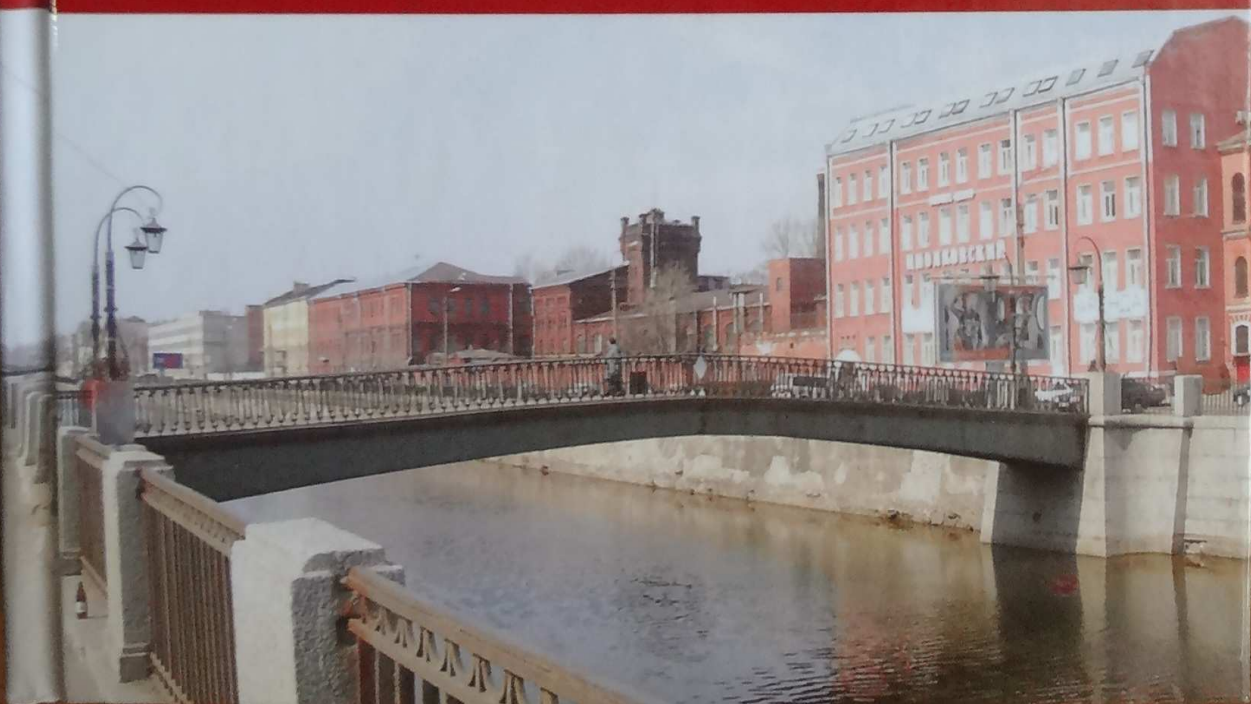
Алексей
Ерофеев

По

ТЕНЕВОЙ
по
НЕПАРАДНОЙ

УЛИЦЫ ПЕТЕРБУРГА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫЕ В ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

ПО БЫВШЕЙ НОВО-ИСААКИЕВСКОЙ

Улица Якубовича при сравнении с другими центральными улицами Петербурга внешне много проигрывает. Однако прогулка по ней позволит вспомнить любопытные фрагменты нашей истории.

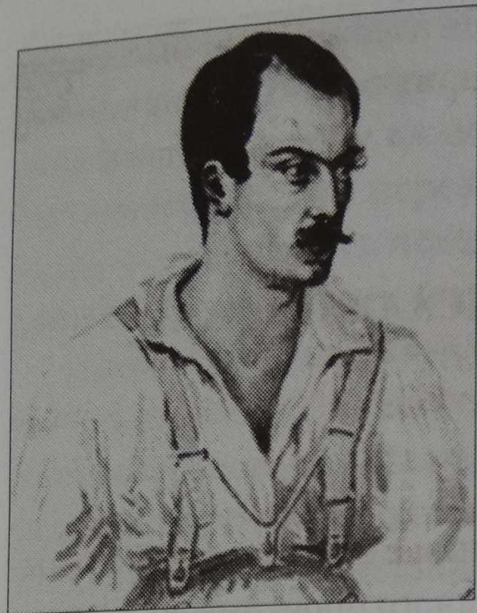
Прежде всего, скажем о ее названии. Современное имя улица получила 6 октября 1923 г. в честь декабриста Александра Якубовича. Она сначала так и называлась: улица Декабриста Якубовича.

Уточняющее слово «декабрист» практически перестало употребляться уже к 1926 г. И это понятно, поскольку конструкция топонима оказалась громоздкой, к тому же рядом появилась площадь Декабристов.

Восстание декабристов — тема, достаточно исследованная историками. Именами казненных офицеров русской армии, посмевших выступить против царской власти, после 1917 г. назывались улицы в разных городах страны. В том числе, конечно, и в Петербурге.

Как бы кто ни относился к этому событию, повлиявшему на ход отечественной истории, у многих возникают сомнения по поводу увековечивания здесь памяти именно о декабристе Якубовиче. Хотя улицу выбрали самую близкую к месту восстания.

Но все же почему здесь, практически у места события оказалось запечатленным не имя Каховского, выстрелившего в генерал-губернатора Милорадовича, не Пестеля, как одного из главных организаторов Тайного общества,

А.И. Якубович

наконец, не Рылеева, тот, по крайней мере, в 1825 г. жил в сотне шагов отсюда?!

Кстати говоря, переулок Каховского появился в городе в 1940 г., а октябрьским постановлением 1923 г. увековечены лишь трое декабристов — Пестель, Рылеев и Якубович. Пестеля и Рылеева, словно по-дружески, «поселили» рядом, присвоив их имена улицам, выходящим к Спасо-Преображенскому со-

бору. Якубовича — отдельно от них, зато поближе к месту события. Получается, что с точки зрения пропаганды личности, а это в политических переименованиях подразумевается всегда в первую очередь, заслуги Якубовича в борьбе с царизмом новая петроградская власть оценила выше заслуг Пестеля и Рылеева.

Однако, по оценке историков декабризма, Александр Якубович, в отличие от многих других декабристов, не проявил себя в должной степени, так, как подобает настоящему борцу с несправедливостью и беззаконием, каковым значительная часть офицерства считала возведение на трон Николая I, при том, что они уже присягнули его старшему брату Константину. Почему же тогда он, а не кто-либо другой оказался удостоенным увековечивания в названии улицы, расположенной в самом центре города на Неве?

Присмотревшись внимательней к личности Якубовича и к дате наименования улицы в его честь, можно понять символический смысл присвоения этой улице имени капитана Нижегородского драгунского полка.

Приятный внешне, красноречивый, эдакий «Цицерон» для солдат. А они уважали его за заслуженную боевую славу. Его звали «Храбрым кавказцем», поскольку он выполнял

опасные поручения генерала Ермолова. Но он был еще и фрондером. Не будучи, как говорится, революционно настроенным изнутри, он фрондировал царевубийством, имея в виду, правда, Александра I, тот, как считал Якубович, несправедливо его обидел, сослав в 1818 г. на Кавказ.

Но именно ему, Якубовичу, 14 декабря 1825 г. выпал жребий в случае надобности захватить императорскую семью. Об этом через десять дней после восстания скажет князь Трубецкой. Сам же Якубович на допросе признается, что он должен был «не взять дворец, а идти с войсками на Дворцовую, или Петровскую, площадь» (так официально именовалась Сенатская площадь. — А. Е.) и по поручению общества кричать: «Ура, Константин» до тех пор, пока не соберутся Государственный совет и Сенат.

Эти слова противоречат показаниям других участников восстания, которые утверждали, что штурм Зимнего дворца Гвардейским экипажем намечался, и что командовать им должен был Якубович. Другая важная роль боевого плана предназначалась Трубецкому.

Вместе с тем, и Трубецкой, и Рылеев отмечали в Якубовиче задатки бонапартизма и намеревались после прихода к власти принять меры против возможного диктаторства «храброго кавказца».

Теперь совместите даты. Осень 1923 г. — это не только переименование петроградских улиц в честь достойных с точки зрения большевиков деятелей истории и культуры, осень 1923-го — это борьба за власть за спиной у находящегося в Горках, изолированного от большой политики, больного Ленина. Еще в конце декабря 1922 г. В.И. Ленин продиктовал своему секретарю Марии Володичевой письмо, получившее известность как «Завещание Ленина», в котором, в частности, заявил, что: «Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть». В январе 1923 г. уже Лидии Фотиевой он продиктовал своеобразный постскрипtum к «Завещанию», в нем Ленин давал характеристики руководителям большевистской партии.

О Сталине говорилось следующее: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам назначить на это место другого человека...».

Можно оборвать цитату на этом месте и вспомнить, что изменение названия улицы происходило в то время, когда председателем исполкома Петросовета был Григорий Евсеевич Зиновьев. О том, что он мог лично «приложить руку» к этому конкретному переименованию, говорит тот факт, что сразу же после смерти Ленина именно Зиновьев стал инициатором переименования Петрограда в Ленинград. Правда, это случится через три с половиной месяца после истории с Ново-Исаакиевской, ставшей улицей Якубовича, но в этом явственно проглядывается любовь Зиновьева к мемориализации вождей.

Необходимо вспомнить, что Григория Евсеевича Сталин ненавидел. Зиновьева дважды исключали из партии, и дважды в ней восстанавливали, но в 1936 г. его расстреляли по делу «троцкистско-зиновьевского террористического центра».

Однако при этом нельзя забывать другое, что в борьбе за лидерство в партии в период болезни Ленина, да и после его смерти, Зиновьев вступил в союз со Сталиным против Троцкого. В случае победы Сталина, Якубович, как человек с диктаторскими наклонностями, к тому же «храбрый кавказец», был весьма подходящей фигурой для пропаганды диктатуры пролетариата в виде вождизма одного человека — кавказца Джугашвили-Сталина.

Присвоение улице, расположенной неподалеку от бывшей царской резиденции имени «храброго кавказца», выглядит в свете вышесказанного более или менее объяснимым. Иных причин выбора имени этого человека для улицы, ближайшей к месту восстания декабристов, не видно. Тем более, что Якубович оказался единственным из декабристов, не отправленных на виселицу, чье имя оказалось увековеченным в названии улицы города на Неве.

Григория Евсеевича Зиновьева, как видим, сей хитроумный поклон новому вождю, которого, в отличие от Якубовича, не называли «храбрым кавказцем», все равно не спас от опалы и казни.

Имя Зиновьева убрали из названий всех учреждений после 1926 г., имя Сталина стерто со всего, что было названо в его честь в Ленинграде — в 1956 г.

«Храбрый кавказец» Якубович оказался разменной монетой в борьбе ненавидевших друг друга коммунистических вождей, и имя его сохранилось в топонимике Петербурга до сих пор.

Вот характеристика, данная Якубовичу императором Николаем I в «Записках о вступлении на престол». Говоря о Евгении Оболенском, как об «одном из злейших заговорщиков», упоминая Рылеева, как человека, у кого в доме заговорщики собирались, царь пишет: «Другое лицо, изверг во всем смысле этого слова, Якубовский (так в тексте. — А. Е.)... умел хитростью своей и некоторой наружностью смельчака втереться в дом графа Милорадовича, и, уловив доброе сердце графа, снискать даже некоторую его к себе доверенность. Что Оболенский не успевал узнать во дворце, то Якубовский изведывал у графа, у которого, как говорится, часто сердце было на языке».

Ново-Исаакиевской улица стала называться в ту пору, когда еще не возводился монферрановский собор, а стоял ринальдиевский. Напомню, Антонио Ринальди его не достроил. А после смерти Екатерины Великой заканчивал строительство Винченцо Бренна. Несмотря на то, что оба эти архитектора — гении, собор получился какой-то кургузый. Дело в том, что Бренна завершил его не в стиле своего предшественника. Нужно было по требованию Павла без промедления просто окончить постройку. По этому поводу ходила эпитаграмма:

*Се памятник двум царствиям приличный
Низ его каменный, а верх — кирпичный.*

Только после окончания войны с Наполеоном Александр I решил, что негоже иметь такой собор, освященный в честь святого Исаакия. Ведь день рождения Петра I приходится на день Исаакия.

Во всей истории Ново-Исаакиевской проявляется ценность именно этого наименования, а улица Якубовича не несет на себе ярко выраженных петербургских следов.

А теперь обратим внимание на ярко выраженные петербургские следы, начиная с дома № 1, под этим же номером здание числится по Исаакиевской площади. Это — великолепное здание Конногвардейского манежа, построенное Джакомо Кваренги.

Согласно древнегреческой легенде, близнецы Кастор и Полидевк, названные впоследствии общим именем Диоскуры, хорошо управляли лошадьми. Кастор умел усмирить дикого скакуна, а Полидевк обладал огромной силой.

Их статуи украшают вход в Конногвардейский манеж. Автор скульптур — итальянский ваятель Паоло Трискорни.

Кони высечены из каррарского мрамора в 1810 г., а в Петербург прибыли в 1816 г.

В 1840 г. по требованию церковников, считавших неуместным наличие обнаженных юношей у Исаакиевского собора, статуи перенесли поближе к воротам казарм Конногвардейского полка, расположенных по этой же стороне улицы. Тогда же солдатские казармы начали реконструироваться по проекту Рудольфа Желязевича и Ивана Черника.

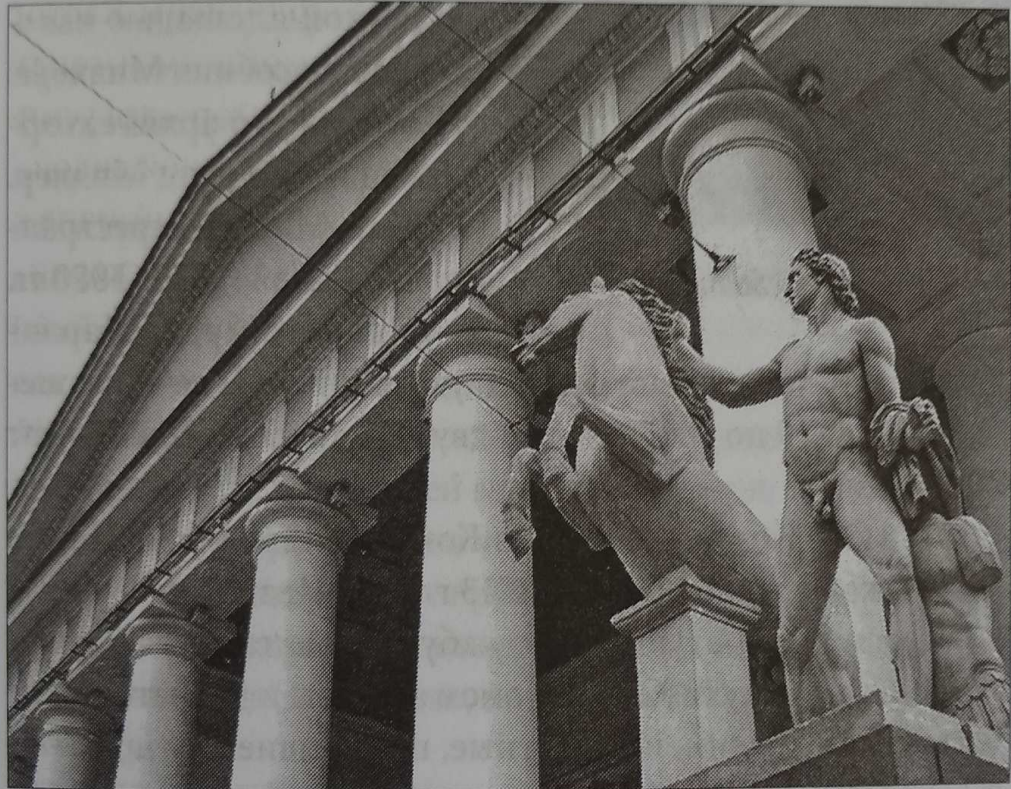
Диоскуры простояли, там где сейчас за зданием Манежа все заставлено автомобилями, до 1954 г., когда их, наконец, вернули на свое законное место.

Но не задается у них спокойная жизнь. Через полвека с хвостиком рядом с ними появился Петр I. После одной из грандиозных выставок, которых в ЦВЗ «Манеж» проводится немало, скульптор Зураб Церетели оставил созданного им императора в Петербурге в качестве подарка.

Скульптура довольно продолжительное время стояла у входа в центральный выставочный зал, вызывая у

Манеж Конногвардейского полка. Старое фото

Диоскуры

большинства горожан в лучшем случае недоумение. В конце концов, в один прекрасный день, а точнее, в прекрасную ночь статую увезли и поставили перед гостиницей «Прибалтийской».

На нечетной стороне улицы Якубовича расположены еще два дома, каждый из них занимает целый квартал. Оба они,

Улица Якубовича, д. 24/4

Ныне в доме № 18 располагается Управление городского телефона и телеграфа. На этом «почтовая начинка» улицы заканчивается. Начинается «горчичная».

«Горчичным» в давние годы называли дом № 24, расположенный на углу с Конногвардейским переулком. С недавнего времени в нем располагается офисный особняк «Ново-Исаакиевский». Возможно, он не отличался бы от других деловых центров, появляющихся вместо расселенных жилых домов с огромными коммунальными квартирами, тем паче, по большей части при реконструкции под офисные центры нередко исчезали интерьеры, хоть как-то сохранявшиеся в коммунальках или отдельных квартирах ленинградцев-петербуржцев.

Однако в данном случае все наоборот. При реконструкции здания выявились его конструктивные особенности, раскрывшие историю этого здания. Они были скрыты за стенками жилых помещений и перегородками мест общего пользования.

В доме со времен Екатерины II в течение полутора веков существовало Сарептское общество, названное так по месту,

откуда прибыли в Петербург немецкие колонисты. Было оно весьма известно.

В 1762 г. Екатерина II издала Манифест о приглашении в Россию колонистов для заселения в Поволжье. В 1765 г. гернгутеры (от деревни Гернгут в Силезии. — А. Е.), первые откликнувшиеся на приглашение Екатерины II колонисты из Германии, приехали в Россию и основали свою колонию «Сарепта». В Поволжье сарептяне распространили традиционные для них ремесла. Первые в Поволжье свечной и мыльный заводы были сарептскими, а производимую сарептянами горчицу употребляло население всей страны.

Вот этот дом и передала сарептянам Екатерина II.

Императрица выкупила трехэтажный дом у бывшего придворного хирурга, надворного советника Келера.

Многое с той поры изменилось. И этот дом до нашего времени дошел не таким, каким был в екатерининскую эпоху. В 1849–1850 гг. его перестроил зодчий Яков Хофер.

Интересно, что тот период, когда в доме разместились гернгутеры, окраска дома имела горчичный цвет, а самым знаменитым товаром из Сарепты была... горчица. Оттого это здание вошло в историю и как Горчичный дом, а Конногвардейский переулок иногда в народе назывался Сарептским.

Грех не рассказать в связи с этим об истории появления сарептской горчицы. В XVIII в. Россия покупала горчицу в Англии. Но в начале XIX столетия Наполеон установил континентальную блокаду, и английские корабли не могли совершать торговые рейсы. В Сарепте же дикая горчица росла в изобилии. Немецкий селекционер Конрад Найц вывел новый вид горчицы, используя английские и французские сорта. В 1810 г. он подал горчицу, изготовленную из этого растения к столу русского императора, за что Александр I наградил его золотыми часами. Вот так стала популярной сарептская горчица.

Горчичный дом вошел русскую литературу благодаря тому, что зять писателя Николая Лескова, англичанин Мори, работал в торговом доме Сарептского общества. Николай Семенович упомянул сей дом в повести «Железная воля».

Незначительные изменения в интерьере дома произошли после того, как 1892 г. «Дом евангелического братства гернгутеров», как еще назывался «Дом Сарептского общества», был продан Евангелическому союзу религиозного и нравственного назидания о протестантах.

После Октябрьской революции 1917 г. богослужения еще некоторое время проводились во внутренней церкви, но через несколько лет прекратились, а дом стал полностью жилым. В последние годы в нем располагалась, помимо жилых квартир, проектная организация.

Сейчас дом максимально восстановлен, что свидетельствует о богатой истории здания, где до недавнего времени были огромные коммунальные квартиры.

Раскрыты своды молитвенного зала, он существовал с 1773 г., в 1903 г. его разделил перекрытием архитектор Федор фон Постельс.

Внесли новые хозяева и нечто новое. Против этого вряд ли будет возражать даже самый рьяный защитник старины. Трех лестницам владельцы «Ново-Исаакиевского» придумали свои оригинальные названия: «Лестница войны 1812 года», «Петровская лестница» и «Лестница петербургских мостов». Стены первой украшают копии живописных полотен, посвященных Отечественной войне 1812 г., стены второй — картины на тему основания Петербурга, третьей — старые фотографии петербургских мостов.

28 марта 2013 г. в здании офисного особняка появился возрожденный исторический витраж — символ гернгутеров — агнец на синем фоне. Подобный агнец присутствует в символике и витражах ряда моравских церквей (авторы витража — Тарас Пышта и Екатерина Никонова).

Теперь пришло время обратиться к Конному полку. По сей день участок между Конногвардейским переулком, улицей Якубовича и площадью Труда принадлежит военным.

Памятником архитектуры является офицерский корпус, построенный зодчим Иваном Черником в 1847 г., когда полком командовал Петр Петрович Ланской, женатый на